

Глава 34. Я буду скучать

С самого начала своего пути Чу Вэй избрал стезю меча.

В те далёкие времена в доме не водилось настоящего оружия, и он сам выстругивал его из дерева. Из-за того, что мальчик был совсем мал, его первые творения выглядели нелепо: лишь по длине в этих палках можно было угадать очертания клинка. Но именно с такими поделками, которые и мечами-то назвать было трудно, он тренировался больше десяти лет.

Деревянные мечи ломались один за другим, но с каждым разом мастерство Чу Вэя росло. Клинки становились всё изящнее, а служили — всё дольше. В конце концов он и вовсе перестал их вырезать: любая ветка, подобранная у дороги, в его руках превращалась в грозное оружие.

Путь от заучивания базовых движений до пробуждения духа меча был долгим, монотонным и невыносимо скучным. Обычный человек бросил бы это занятие на полпути, не выдержав рутины. Но Чу Вэй не был обычным. Им двигало врождённое упрямство: если он решал что-то сделать, то доводил дело до совершенства.

Учитель говорил, что у него редкий дар, но сам юноша не понимал, что это значит. Он никогда не встречал других практиков, а потому ему просто не с чем было сравнивать.

И вот теперь Чу Вэй, которому не с кем было мериться силами, парил в воздухе, заставив толпу внизу оцепенеть от изумления.

Он закрыл глаза.

Вокруг царил непроглядная темень, едва разбавленная слабым свечением мобильных телефонов. В такой глуши было неважно, смотришь ты или нет — всё равно ничего не разглядеть, разве что наткнёшься на кого-нибудь впотьмах. Но этот жест стал сигналом: мир окончательно погрузился во тьму, когда даже тусклые отсветы экранов перестали существовать для юноши.

Люди задрали головы, боясь пропустить хоть малейшее движение парящего в небе подростка. Из-за печати формации ледяной ветер, бушевавший здесь мгновение назад, стих. Но внезапно из ниоткуда вновь поднялся вихрь. С неба посыпалась мелкая, как пыль, изморось, мгновенно пропитавшая одежду. Однако сейчас никому не было дела до дождя.

Наконец Чу Вэй шевельнулся.

Его простенький деревянный меч не выглядел как оружие — обычный кусок дерева, которому придали форму клинка. Но в этот миг он вспыхнул ослепительным сиянием. Текучее люминесцентное пламя окутало дерево, посеребрив его края. Этот свет озарил не только тонкое, спокойное лицо юноши, но и копошащихся внизу ходячих мертвецов, которые в

замешательстве сталкивались друг с другом. В этой сцене было нечто пугающее и в то же время прекрасное: изящный юноша над бездной гниющих тел.

Занеся меч перед собой, Чу Вэй исчез. Его фигура, только что четко видимая в небе, растворилась в воздухе в мгновение ока.

Кто-то вскрикнул:

— Куда... куда он делся?

В следующую секунду тьму прорезали бесчисленные вспышки. Ослепительные росчерки меча превратили ночь в день, сияя ярче любого фонаря. В этом свете едва угадывалась жажда крови, тяжёлая и осязаемая. Люди инстинктивно пытались проследить за движением клинка, но видели лишь кольцевые волны мощнейшей духовной энергии. Поднявшийся ураган заставил всех зажмуриться.

А когда они снова открыли глаза, всё уже было кончено.

Ветер утих, и даже на черном небосводе забрезжили первые признаки рассвета. Чу Вэй каким-то образом уже стоял рядом с ними.

В этот момент Хуа Жун неведомо где раздобыл толстую ветку.

— У кого-нибудь есть зажигалка? Дайте огня.

Доу Шунь пошарил в кармане и выудил ветрозащитную зажигалку. Бросая её, он не удержался от замечания:

— Не забудь вернуть.

В этой крошечной тьме Хуа Жун безошибочно поймал зажигалку. Раздался щелчок, и он поднёс огонёк к ветке.

— Она же толстая, разве загорится от такой малявки? — усомнился один из молодых полицейских.

Но он быстро понял, что ошибался. Маленькое пламя зажигалки вдруг раздулось в яростный огненный шар. Жар был таким сильным, что его почувствовали даже те, кто стоял в нескольких шагах. Спустя мгновение ветка превратилась в ярко пылающий факел.

Впрочем, этого света было недостаточно, чтобы разогнать мрак пустоши. Пока люди гадали, не

сделать ли ещё пару факелов, Хуа Жун взмахнул рукой. Множество огненных искр сорвались с ветки и, точно повинаясь его воле, опустились на восемь гвоздей для умирения трупов.

Крошечные огоньки мгновенно превратились в столбы пламени. Подпитываемые силой запечатаваемой формации, они залили всю пустошь ярким светом.

Увиденное заставило людей содрогнуться.

Все ходячие мертвецы, что недавно носились по полю, теперь лежали неподвижно. Даже густая аура обиды, висевшая в воздухе, заметно поредела. Запах гнили всё ещё бил в нос, но по сравнению с перспективой быть съеденным заживо, это казалось сущим пустяком.

Все взгляды обратились к юноше.

Он выглядел совсем юным, почти ребёнком. Его лицо хранило такое безмятежное спокойствие, будто не он только что уничтожил целую армию мертвецов, а просто совершил обычную прогулку.

Обладать такой силой в столь юные годы...

Доу Шунь колебался лишь секунду, после чего подошёл к Чу Вэю и протянул ему визитку.

— В каком ты классе? Когда сдаёшь экзамены? Не хочешь попробовать поступить в полицейскую академию?

Директор Особого следственного бюро, который в начале встречи вёл себя крайне высокомерно, сменил гнев на милость быстрее, чем переворачивается страница в книге. Он напрочь забыл, как совсем недавно считал этого мальчишку обузой и даже не достаивал его взглядом.

Чу Вэй молчал. На самом деле он не был так спокоен, как казалось со стороны. Чтобы покончить со всей нечистью одним ударом, он вложил в ту атаку почти восемьдесят процентов своей духовной энергии. Сейчас внутри него зияла пустота, и он держался лишь на остатках сил.

Юноша посмотрел на визитку, соображая, что ответить. Но в этот момент чья-то рука преградила путь Доу Шуню.

Раздался неспешный, бархатистый голос Хуа Жуна:

— Благодарю за предложение, директор Доу, но у нашего Вэйвэя пока иные планы.

Доу Шунь взглянул на Хуа Жуна и вскинул бровь:

— У вашего Вэйвэя?

Хуа Жун даже не дрогнул. Он не видел ничего странного в своих словах и уж тем более не считал зазорным принимать решения за Чу Вэя.

Доу Шунь замялся:

— Я спрашивал его.

Чу Вэй, не колеблясь, ответил:

— Его слова — это мои слова.

Он не чувствовал дискомфорта. Напротив, он был благодарен Хуа Жуну за то, что тот избавил его от необходимости вежливо отказывать. Доу Шунь перевёл взгляд с одного на другого, пытаясь понять, что их связывает. Он никогда не слышал, чтобы у семьи Хуа были какие-то внебрачные дети на стороне.

Впрочем, сейчас были дела поважнее. Нужно было разобраться с телами. Это место было пропитано злобой и находилось в опасной близости от «Небесной пагоды». Теперь, когда гвозди были вырваны и аура обиды вырвалась наружу, сюда неизбежно потянутся любопытные. И если не живые люди, то бродячие духи — для них эта энергия была изысканным лакомством.

Чтобы окончательно очистить место, нужно было переправить души усопших.

Послышались торопливые шаги — прибыло подкрепление, вызванное Доу Шунем. Однако, добравшись до места, оперативники поняли, что их помощь в бою уже не требуется.

Чу Вэй немного пришёл в себя. Заметив бледную, лишившуюся дара речи Сян Цин, он тихо сказал:

— Сестра, подожди немного. Я переправлю души этих несчастных и сразу сниму с тебя Проклятие любовника.

Сян Цин лишь отрешённо кивнула. Она была слишком потрясена, чтобы делать что-то ещё.

Но стоило Чу Вэю сделать шаг, как Хуа Жун перехватил его за руку и притянул к себе.

— Опять ты за своё. Пользуешься тем, что молод, и не бережёшь себя.

Чу Вэй чувствовал лишь лёгкую пустоту внутри, но в остальном был в порядке. Переправа душ — это просто чтение сутр, оно не требует много энергии. Он попытался объяснить:

— Здесь слишком много скорби. Если не сделать этого сейчас, быть беде.

Хуа Жун недовольно фыркнул:

— Это не твоя забота.

И действительно, тут же раздался зычный голос Доу Шуня:

— Старого монаха с нами нет, так что грязная работа на вас. Живо разошлись по точкам, где были вбиты гвозди. Окружите поле и начинайте читать сутры. Нужно упокоить эти души.

— Шеф, да мы же не умеем... — пробормотал кто-то из подчинённых.

Доу Шунь холодно усмехнулся:

— Вы что, забыли всё, что зубрили при поступлении? Если не помните — ищите в телефонах. Хоть по бумажке, но вы должны это дочитать!

Он с презрением добавил:

— Неужели целая толпа взрослых мужиков слабее одного подростка?

Оперативники пристыженно опустили головы. Им казалось, что все годы их тренировок пошли прахом.

В самосовершенствовании всё решает талант. Это как с книгой: одарённый человек прочтёт её один раз и запомнит навсегда, понимая каждое слово и скрытый смысл. Тот же, кто обделён талантом, потратит годы на зазубривание, но так и не постигнет сути. Разрыв в стартовых условиях огромен.

А если добавить к этому разницу в учителях, пропасть становится непреодолимой. Наставником Чу Вэя был Хуа Жун — Предок-мечник, прославивший бесчисленное множество лет. В его руках даже сухое полено стало бы мастером, что уж говорить о таком гении, как Чу Вэй.

Видя, что подчинённые медлят, Доу Шунь взорвался:

— Живо за работу!

Полицейские поспешили занять свои места. Вместе с прибывшим подкреплением и самим Доу Шунем их набралось ровно восемь человек.

На самом деле, они лукавили, говоря, что не умеют читать сутры. Просто за годы службы они привыкли, что всю «духовную» часть работы берёт на себя штатный монах бюро. Но Сутра сердца была обязательным пунктом на экзаменах в Особое следственное бюро — её нужно было знать наизусть и уметь воспроизвести без запинки.

Так что никто не полез в телефон. Восемь человек сели у мест, где раньше были вбиты гвозди, образуя живую цепь. Они закрыли глаза и начали нараспев читать текст.

Сутра сердца обладает силой успокаивать разум и направлять заблудшие души. Если её читает практик, эффект усиливается многократно, а при поддержке формации задача становится совсем простой.

Сян Цин, чьё сознание было затуманено аурой обиды, заворожённо смотрела вперёд. Ей казалось, что из уст читающих вылетают золотые иероглифы. Они плыли по воздуху, сплетаясь в светящуюся сеть, и опускались на тела павших. Ей почудилось, будто с её собственных плеч спадает невидимый, давящий груз.

Чу Вэй, с детства обладавший Небесным оком, видел то, что другие могли лишь чувствовать. В его глазах золотые знаки, излучающие тепло, клочок за клочком развеивали чёрный туман, пока тот окончательно не впитался в землю.

Немного понаблюдав, Чу Вэй всё же сделал несколько шагов вперёд. Он сложил ладони, закрыл глаза и присоединился к общему хору. В этот миг на его лице отразилась такая глубокая печаль и сострадание, что он казался существом не от мира сего — возвышенным и отрешённым.

Когда первые лучи рассвета коснулись земли, магические огни на гвоздях начали гаснуть один за другим. Солнце медленно поднималось над горизонтом, прогоняя остатки ночного кошмара.

Чу Вэй открыл глаза. Перед ним стояли призрачные фигуры девушек. Они выстроились в ряд и низко поклонились своему спасителю, после чего растаяли в утреннем свете.

Все были измотаны до предела. Души были упокоены, а заботу о телах взял на себя Доу Шунь. Чу Вэй чувствовал такую слабость, будто из него выкачали всю кровь. Единственным его желанием было добраться до кровати и провалиться в сон.

Перед уходом Доу Шунь, растерявший весь свой былой лоск, снова подошёл к нему.

— Ты всё-таки подумай. Стране нужны такие люди.

Чу Вэй покачал головой:

— Пока не время. Но мне нужна ваша помощь, господин офицер. Достаньте мне немного крови Цзи Хана. Без неё я не смогу снять проклятие с сестры Сян Цин.

Доу Шунь не стал возражать. Пообещав доставить кровь лично, он проводил их к машине.

Как только автомобиль тронулся, Чу Вэй уснул. Хуа Жун сбавил скорость и, бросив взгляд на спящего юношу, прибавил температуру кондиционера. Несмотря на бессонную ночь, Хуа Жун выглядел бодрым, лишь его лицо казалось чуть бледнее обычного.

Сян Цин сидела на заднем сиденье, не в силах прийти в себя. Она тоже видела тех призраков. Совсем молодые девчонки, восемнадцати-девятнадцати лет... Вся жизнь была впереди, а теперь — лишь прах. Как перенесут это их близкие?

Дома Чу Вэй так и не проснулся. Последствия использования Искусства поиска души, истощение резервов и ночное бдение окончательно лишили его сил. Хуа Жун бережно вынес юношу из машины и на руках занёс в дом.

— Наверное, дядя вернулся! Пойду встречу его!

Хуа Хайцзюнь примчался ни свет ни заря. Он догадывался, что Чу Вэй у дяди, и планировал застать их врасплох. Хотел подшутить, выведать, как сильно дядя заботится о друге, а заодно выпросить немного денег на карманные расходы. В последнее время он тратил слишком много. Отец, обрадованный его успехами в учёбе, подарил ему квартиру, но на текущие расходы не дал ни юаня. И какой толк от квартиры? Он же не собирается сейчас жениться или съезжать от родителей. Но вслух он этого не говорил — боялся, что и жильё отберут.

Чего Хайцзюнь точно не ожидал, так это увидеть дядю, несущего Чу Вэя на руках.

Чу Вэй спал мертвецким сном. Видимо, подсознательно он чувствовал себя в полной безопасности, а потому даже не шелохнулся. Хайцзюнь застыл с открытым ртом, чувствуя, как у него «режет глаза» от этой картины. Он догадывался о чувствах дяди, но не думал, что всё зашло так далеко.

«Дядя, имей совесть! Ему же ещё нет восемнадцати!»

В голове молодого господина Хуа зароились самые разные мысли, навеянные байками его сомнительных дружков. Он заикнулся:

— Чу Вэй... вы...

Хуа Жун мельком взглянул на племянника и, словно прочитав его нелепые подозрения, едва сдержался, чтобы не постучать ему по лбу. Не удостоив парня ответом, он уверенно пронёс Чу Вэя на второй этаж.

Хайцзюнь схватил за рукав дворецкого и зашептал:

— Дядя всегда такой? Он же вроде болел?

Глядя на то, как легко Хуа Жун несёт человека, трудно было поверить, что ещё полгода назад он был прикован к постели и постоянно терял сознание.

Старый дворецкий довольно улыбнулся:

— Здоровье господина за последние полгода пошло на поправку. Он отлично ест, крепко спит и больше не падает в обмороки. Врачи говорят — это чудо.

Хайцзюнь рухнул на диван, и его воображение окончательно пустилось вскачь. В кино говорили, что у инопланетян есть способности к исцелению. Может, Чу Вэй — пришелец, который вылечил дядю? Чем больше он об этом думал, тем логичнее казалась эта версия. Ведь врачи сами признали, что это чудо.

Подниматься наверх он не рискнул — дядя не любил, когда кто-то вторгался в его личное пространство. Видимо, для спасителя жизни правила были иными.

Чу Вэй проспал целые сутки. Когда он открыл глаза, то не сразу понял, где находится и какой сегодня день. Усталость полностью испарилась. Он нащупал телефон: восемь утра. Солнце уже должно было взойти.

«Сегодня шестое число. Завтра мне нужно возвращаться».

При мысли об отъезде сердце кольнуло тоской. Никогда ещё Новый год не был таким насыщенным, суетным и выматывающим. Но, несмотря на все трудности, Чу Вэй чувствовал странное удовлетворение.

Он вспомнил о Хуа Жуне. Юноша не знал, как описать свои чувства к этому человеку. Родство при первой встрече, зависимость — при второй... В этом мужчине было нечто, от чего он не мог отказаться. Он не понимал природы этой привязанности: при мысли о Хуа Жуне на душе становилось сладко, но тут же накатывал страх потери.

Уедет — и не увидит его ещё полгода.

Пока он размышлял, дверь тихо открылась. Вошёл Хуа Жун. Он совершенно естественно присел на край кровати, коснулся ладонью щеки юноши, а затем шутливо ущипнул его за нос. Сняв одежду с вешалки, он протянул её Чу Вэю:

— Вставай, соня. Пора завтракать, ты не ел целые сутки.

Глубокие раздумья тут же сменились урчанием в животе. Он и вправду был чертовски голоден.

После еды Хуа Жун достал стеклянный флакон с алой жидкостью. Это была кровь Цзи Хана, которую Доу Шунь прислал вчера.

Чу Вэй посмотрел на флакон, и ему вдруг расхотелось что-либо делать. Завтра уезжать, а последний день придётся потратить на чужие проблемы. Ему не хотелось никуда идти. Хотелось просто сидеть здесь, смотреть телевизор или болтать с этим человеком. Но чувство долга взяло верх. Забрав кровь, он отправился к Сян Цин.

Без ауры обиды снять заклятие оказалось несложно. Провозившись полдня, Чу Вэй закончил работу. На прощание Сян Цин попыталась всучить ему красный конверт с деньгами. Чу Вэй отказывался, но женщина буквально силой запихнула его ему в руки.

— Перестань. Это не плата, а новогодний подарок. Ты так выручил меня, а я даже не могу угостить тебя обедом. Неужели ты откажешься от скромного подарка?

Чу Вэю пришлось уступить. Сян Цин выглядела бледной — события праздников изрядно её потрепали. Однако её природный оптимизм уже брал своё.

— Малыш, если бы не ты, я бы точно сыграла в ящик. Слышала, ты завтра уезжаешь. Когда вернёшься, я закажу тебе самый роскошный пир!

Теперь она искренне любила этого мальчика. Не той поверхностной симпатией, основанной на красивом личике, а глубоким, почти материнским чувством.

Чу Вэй серьёзно ответил:

— Скорее всего, приеду после экзаменов. Я собираюсь поступать в Столичный университет.

Сян Цин присвистнула:

— Ого, какая уверенность!

Чу Вэй кивнул:

— Всё получится.

Он говорил это не как обещание, а как констатацию факта. Будто поступить в лучший вуз страны — это так же просто, как выпить стакан воды. Захотел — и сделал. Сян Цин на мгновение лишилась дара речи, но почему-то поверила ему сразу и безоговорочно.

— Договорились. Буду ждать тебя на обед.

К сожалению, договорить им не дали — Хуа Жун увёл Чу Вэй. Юноша посмотрел на их переплетённые пальцы. Странно, но это стало происходить само собой. Он даже не мог вспомнить, когда они начали держаться за руки, и не видел в этом ничего предосудительного.

Хуа Жун вёл его к дому.

— Билет я уже купил. Рейс завтра в десять утра. Хотел взять на вечер, но побоялся, что ты не успеешь добраться до места.

Чу Вэй тихо отозвался:

— Угу.

Хуа Жун продолжал:

— Завтра я сам отвезу тебя в аэропорт. Ты этого не чувствуешь, но твои силы ещё не восстановились полностью, так что больше отдыхай.

Чу Вэй снова выдавил:

— Угу.

Хуа Жун остановился прямо посреди дороги, не дойдя пары шагов до ворот. Он развернул юношу к себе и мягко спросил:

— Что случилось? Выглядишь совсем понурым. Всё ведь закончилось хорошо, ты молодец.

Чу Вэй молчал, опустив голову, но вся его поза кричала о глубокой печали. Хуа Жун, не понимая, что опять стряслось, приподнял его подбородок:

— От меня-то что скрывать? Ну, в чём дело?

Чу Вэй посмотрел в глаза мужчине, и волна тоски захлестнула его с головой. Он не мог отвести взгляд.

— Хуа Жун, я завтра уезжаю.

Мужчина заглянул в глаза юноши и мгновенно всё понял. Он понизил голос до шепота:

— Что, не хочешь уезжать?

Чу Вэй промолчал, лишь едва заметно качнул головой:

— Нет.

Голос Хуа Жуна стал ещё тише:

— Тогда что? Неужели... не хочешь расставаться со мной?

Чу Вэй вздрогнул и поднял на него взгляд:

— Если я уеду, то вернусь только в июне.

Впереди были самые напряжённые месяцы учёбы, и у него не будет ни минуты свободного времени, чтобы приехать в столицу. Раньше полгода казались ему пустяком, но сейчас, стоя здесь, он чувствовал невыносимую горечь. Полгода... это слишком долго.

Глядя на юношу, Хуа Жун почувствовал, как сдерживаемые им чувства рвутся наружу. Он ждал этого столько лет, пережил столько одиноких ночей, и теперь вся его выдержка могла рухнуть от одной фразы этого мальчика.

Глаза Чу Вэя покраснели. Он смотрел на Хуа Жуна, и в его голосе прорезались слезы:

— Хуа Жун, я буду скучать по тебе.

Юноша никогда раньше не знал, что такое тоска по человеку. Это было совсем не похоже на то, как он скучал по Учителю. Это было новое, пугающее чувство, от которого щемило в груди. Почему же так больно, ведь полгода — это не вечность?

Услышав эти слова, Хуа Жун не выдержал. Он шагнул вперёд и крепко обнял юношу. Он сжал его в объятиях так сильно, будто хотел срастись с ним воедино. Но были вещи, о которых ещё нельзя было говорить. Нужно дождаться лета.

Хуа Жун закрыл глаза, уткнувшись лицом в шею юноши. Родной, неповторимый запах мгновенно утихомирил бурю в его душе. Чу Вэй инстинктивно обнял его в ответ. Он не понимал до конца значения этого жеста, но сейчас только так он мог унять свою печаль.

— Глупыш. Если будешь скучать — просто позвони. Мы можем созваниваться по видеосвязи хоть каждый день.

Хуа Жун отстранился, собрав в кулак всю свою волю. Чу Вэй шмыгнул носом и пробормотал:

— Это совсем не то же самое.

Хуа Жун впервые видел его таким: без привычных колкостей, мягким и беззащитным, как котенок. Он потрепал юношу по волосам и улыбнулся:

— Ты не можешь приехать в Цзинду, но я-то могу приехать в уезд Цин.

Чу Вэй вскинул голову, и его глаза засияли:

— Правда?

Хуа Жун уверенно кивнул:

— Правда.

Юношу было легко утешить — одно обещание заставило его расцвести. И тут же Чу Вэю стало неловко. «Надо же, такой взрослый, а расплакался как девчонка. Не на войну же уйду. Позор-то какой...»

Чу Вэй, сгорая от смущения, развернулся и припустил к дому. Хуа Жун стоял позади, глядя ему вслед, и его кулаки, сжатые за спиной, медленно разжались. Одному небу известно, чего ему стоило не сорваться в тот момент.

— Хуа Жун, ты чего застрял?

Чу Вэй остановился на склоне и обернулся. Хуа Жун поднял голову, спрятав все эмоции в глубине глаз, и мягко ответил:

— Иду.

Приехал Чу Вэй с одним рюкзаком, а уезжал с огромным чемоданом. В нём была одежда, которую купил ему Хуа Жун — старые вещи юноши куда-то бесследно исчезли. Там же лежали припасы в дорогу. Дворецкий, боясь, что мальчик проголодается, велел повару приготовить сладости и упаковать их в небольшую коробочку, которую пристроили в боковой карман рюкзака.

Уже в аэропорту Чу Вэй вспомнил, что совсем забыл про своего соседа по комнате. Он только собрался достать телефон, как услышал за спиной знакомые шаги.

Ленивый голос Хайцзюня раздался сзади:

— А я уж думал, ты забыл, что учёба начинается.

Чу Вэй убрал телефон и, вспомнив их последнюю встречу в торговом центре, парировал:

— Не ты ли об этом забыл, развлекаясь со своими дружками?

Хайцзюнь, вспомнив глупую выходку Старины Ху, неловко закашлялся.

— Ладно-ладно, оба хороши. Пошли, уже регистрация началась.

Когда самолёт взмыл над облаками, Чу Вэй открыл галерею в телефоне и сменил заставку. Это было их совместное фото с Хуа Жуном, сделанное перед самым отъездом. Две головы в одном кадре — не то комично, не то красиво, но это было единственное фото в его телефоне.

Жизнь во втором полугодии выпускного класса можно было описать одним словом: гонка. Даже срочные донесения с фронта не сравнятся с тем напряжением, которое царило в школе. Время гнало всех вперёд, цифры на доске обратного отсчёта таяли на глазах. Все бегали как заведённые, и только Чу Вэй оставался верен своему ритму: четыре точки на карте. Учёба, тренировки, еда, сон. Он ничего не пропускал и даже умудрялся подтягивать Хайцзюня.

После поездки в столицу Чу Вэй словно повзрослел. Он больше не звал Учителя по любому поводу. Сталкиваясь с трудностями в медитации, он старался постичь всё сам.

Дни летели незаметно. Наступил май, пришло лето, и близился восемнадцатый день рождения Чу Вэя. Это означало, что совсем скоро он станет взрослым.

Каждый день он переписывался с Хуа Жуном. Рассказывал школьные новости, что ел на обед, болтал о всяких пустяках. Эти разговоры были ни о чём, но он наслаждался ими каждый вечер. Хуа Жун несколько раз порывался приехать, но Чу Вэй отказывал. Он считал себя уже взрослым и не хотел проявлять детскую привязанность. Те слова, что он наговорил на Новый год, теперь вызвали у него лишь смущённую улыбку. Скучать — скучал, но у Хуа Жуна были свои дела, а Цзинду далеко. После экзаменов они всё равно увидятся. Можно и потерпеть.

Хуа Жун не настаивал, принимая правила игры юноши. Впрочем, уже не совсем юноши — скоро совершеннолетие.

Май был самым напряжённым месяцем. Экзамены в начале июня, и каждый день ценился на вес золота. Даже самые отъявленные забияки притихли, ощущая нависшую угрозу тестов.

Когда прозвенел звонок с последнего урока, все с облегчением выдохнули и бросились в столовую, чтобы успеть поесть перед вечерними занятиями. Чу Вэй проверил тренировочный тест Хайцзюня и тяжело вздохнул.

Молодой господин Хуа был удивительным человеком: когда хотел — соображал быстрее всех, но когда тупил — переспорил бы и осла. Та же самая задача, но стоило заменить «Сяо Мина» на «Сяо Хун», и он смотрел на неё как на китайскую грамоту.

Чу Вэй выставил баллы и распечатал на мини-принтере пачку похожих заданий. Этот принтер Хайцзюнь купил специально, чтобы не переписывать ошибки вручную. Очень полезная вещь, учитывая количество его промахов.

Закончив с этим, Чу Вэй собрал вещи. Как единственный ученик в классе, освобождённый от вечерних занятий, он был объектом всеобщей зависти. Хайцзюнь, чьи результаты оставляли желать лучшего, был вынужден остаться и теперь провожал друга тоскливым взглядом.

Вернувшись в общежитие и приняв душ, Чу Вэй переоделся и вышел. Он решил заглянуть домой, навестить дедушку. Обычно он ходил туда в воскресенье, но сейчас, когда в школе было слишком много глаз, он предпочёл ночную прогулку.

В лесу царил тишина. Обычный человек ни за что не рискнул бы идти здесь в одиночку ночью, но Чу Вэй был из тех, кого призраки обходят за версту. Он знал эти тропы как свои пять пальцев, и путь через чащу не занял много времени.

Дом стоял на прежнем месте, но без хозяина он быстро ветшал, зарос паутиной. Здание без человеческого тепла долго не живет, особенно такое старое. Скоро оно превратится в руины.

Чу Вэй постоял у порога, а затем направился к могиле дедушки. Он сел рядом и долго рассказывал старику о своей жизни.

— Дедушка, я думаю, ты уже переродился и вряд ли меня слышишь. Но знай: после экзаменов я, скорее всего, больше не вернусь.

— В детстве ты говорил, чтобы я хорошо учился, поступил в университет и показал тебе мир. Я своё обещание выполнил, а ты — нет. Даже экзаменов не дождался, сбежал в новую жизнь.

— Спасибо тебе за всё. Настоящих родителей я искать не буду, а вот твоего сына с невесткой

постараюсь найти. Если найду — заставлю их прийти сюда и поклониться твоей могиле. Если захочешь их наказать — не сдерживайся.

Голос Чу Вэя стал тише.

— Дедушка, через пару дней мне исполнится восемнадцать. Я стану взрослым.

— Жаль, что день рождения выпал на такое время. А то я бы очень хотел поехать в одно место... К одному человеку. Но я не могу позволить себе такую дерзость. Неудобно заставлять его ехать в такую даль, хоть я и обещал когда-то... Но сейчас мне просто жаль его беспокоить.

Чу Вэй выговорил всё, что накопилось на душе, и почувствовал облегчение. Он уже собирался уходить, как вдруг ощутил колебание духовной энергии. Это был Учитель.

Чу Вэй обрадовался:

— Учитель? Почему вы здесь в такой час?

Учитель стоял у могилы. Взмахом рукава он поднял легкий ветерок, который смахнул всю пыль и сор с надгробия.

— Через несколько дней твой восемнадцатый день рождения, — негромко произнёс он.

Чу Вэй постоянно думал об этой дате. Для него это был не просто праздник, а важный рубеж.

— Вы помните? — спросил он и тут же смутился. — Глупый вопрос. Вы единственный, кто всегда помнит о моём дне рождения.

Дедушка под конец жизни часто забывал даты.

Учитель посмотрел на него и коснулся его волос:

— Хочешь какой-нибудь подарок?

Чу Вэй невольно отметил, что жесты Учителя очень похожи на жесты Хуа Жуна: та же привычка гладить по голове или щипать за щеку.

— На самом деле, мне ничего не нужно. Моё единственное желание — чтобы близкие были здоровы и жили без бед.

Учитель поднял взгляд. Юноша снова порос и теперь был почти одного роста с ним. Он с нежностью смотрел на своего ученика. Даже будучи лишь духом, он хотел коснуться его.

— Тогда я сам что-нибудь подготовлю. Совершеннолетие — это важное событие, нельзя относиться к нему небрежно.

Чу Вэй заулыбался. Учитель проводил его до самой школьной ограды.

Юноша заметил странную вещь: с тех пор как он вернулся из столицы, облик Учителя становился всё более прозрачным. Раньше он видел его отчетливо, а теперь черты лица начали расплываться. Особенно это было заметно ночью, но Чу Вэй был уверен — это не игра воображения.

Он протянул руку и, как и ожидал, она прошла сквозь призрачное тело.

— Учитель, почему я снова плохо вас вижу?

Раньше он мог разглядеть каждый волосок.

Хуа Жун смотрел на юношу и думал о предстоящем празднике. Он не знал, что сказать первым: раскрыть ли свою истинную личность или признаться, что этот призрачный облик он больше не в силах поддерживать.

Учитель скоро исчезнет навсегда.

<http://bllate.org/book/16969/1588102>